

- Михаил Арсланьян.** К проблеме тематического определения летописного рассказа о четвертой жене княгини Ольги 3
- Константин Лаппо-Данилевский.** «Стихотворения Сафы, лесбийская стихотворица» (1792) И. И. Виноградова и их французский источник 14
- Екатерина Дмитриева.** От мадригалов и эпиграмм к эпистолярной прозе: Билингвизм и мультиязычие в текстах А. С. Пушкина 27
- Алина Бодрова.** Несвоевременный сборник: «Стихотворения» 1835 года в литературной карьере Баратынского 51
- Лада Панова.** Чувственная филология: «Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг...» Мандельштама 65
- Александр Долинин.** Кто такая «Салли Горнер»? Об одном реальном источнике «Лолиты» 103

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (главный редактор),
О. В. Макаревич, А. С. Пахомова, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

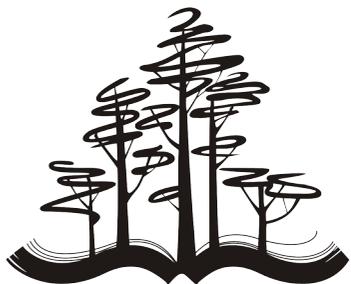
2018 XIV (1)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

2018 (1)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель

К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)

Проф. И. Ю. Виницкий (Принстон, США)

Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)

Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)

Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)

Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)

Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

№ ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letná škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2018

© «Летняя школа по русской литературе», 2018

Информация об авторах

Михаил Арсланьян, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия
mihail.arslanyan@mail.ru

Алина Бодрова, кандидат филологических наук, старший преподаватель национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
allinnbod@gmail.com

Екатерина Дмитриева, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, ведущий научный сотрудник Института русской литературы РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета, Санкт-Петербург, Москва, Россия
katiadmitrieva@mail.ru

Александр Долинин, кандидат филологических наук, Professor Emeritus of Russian Literature, University of Wisconsin-Madison, Мэдисон, США
dolinin@wisc.edu

Константин Лаппо-Данилевский, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы РАН, Санкт-Петербург, Россия
yurij-danilevskij@yandex.ru

Лада Панова, профессор университета Южной Калифорнии, Лос-Анджелес, США
gatto_pardo@mail.ru

АЛИНА БОДРОВА
(Москва / Санкт-Петербург)

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЙ СБОРНИК

*«Стихотворения» 1835 года в литературной карьере
Баратынского¹*

В статье рассматривается история издания «Стихотворений» 1835 года, рецензия сборника в критике и его влияние на дальнейшую литературную судьбу Баратынского. Анализируя публикации поэта 1835–1836 годов, автор статьи показывает, что запоздалый выход сборника заслонил в глазах читателей новые выступления Баратынского в «Московском наблюдателе» («Последний поэт», «Недоносок» и др.), а композиция поэтической книги не позволила отметить его тексты начала 1830-х годов и динамику его поэтической эволюции.

Ключевые слова: Е. А. Баратынский, литературная репутация, рецензия в критике, Н. М. Языков, А. С. Пушкин.

The article reviews the history of the publication of Baratynsky's "Collected Poems" (1835), the critical reception of the book, and its influence on his further literary career. Analyzing Baratynsky's publications in 1835–1836, the author of the article assumes that the belated publication of the collection overshadowed Baratynsky's new poetic texts in the "Moscow Observer" ("The Last Poet", "Nedonosok", etc.), and the composition of the poetic book did not allow to highlight Baratynsky's texts of the early 1830's and to estimate his poetic evolution.

Key words: E. Baratynsky, literary reputation, reception studies, N. Yazykov, A. Pushkin.

История восприятия лирики Баратынского «в поколеньи» и в «потомстве» отличается, как известно, парадоксальной асимметричностью. Если для читателя XX века и современного читателя Баратынский скорее автор «Сумерек»,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ), проект № 16-34-01060 «Е. А. Баратынский. Полн. собр. соч. и писем. Т. 5: Проза. Критика. Переводы. Письма. Подготовка текстов, текстологических и историко-биографических комментариев».

то для современников он и в поздние свои годы оставался «певцом Эды и Пиров». Сборник «Сумерки» аттестовался «последним отблеском мерцающего дарования»;¹ по воспоминаниям М. Н. Лонгинова, он произвел «впечатление привидения, явившегося среди удивленных и недоумевающих лиц, не умеющих дать себе отчета в том, какая это тень и чего она хочет от потомков».² Разумеется, такое охлаждение критики испытал не только автор «Сумерек»; в 1830-е годы Пушкин мог не раз повторить применительно к себе слова из письма Баратынского о том, что «в России поэт только в первых незрелых своих опытах может надеяться на большой успех».³ И хотя Баратынский объяснял такие перемены *общи́м* положением вещей, все же кажется небезынтересным уточнить, как именно происходило это охлаждение в его конкретном случае — т. е. описать те обстоятельства, при которых Баратынский из читаемого и почитаемого современного поэта превратился, по выражению В. Г. Белинского, в «талант <...> уже чуждого <...> поколения».⁴

В настоящей заметке мне бы хотелось остановиться на событиях 1835 года, который традиционно интерпретируется как граница между ранним (т. е. успешным и читаемым) и поздним Баратынским. Рубежный характер этого периода определяется прежде всего выходом итогового

¹ Северная пчела. 1844. № 184. 14 авг. Смесь. С. 733. Этот некролог «Пчелы» был также перепечатан в «Санктпетербургских ведомостях» (1844. № 187. 17 авг. С. 843–844) и «Русском инвалиде» (1844. № 186. 19 авг. С. 743).

² Лонгинов М. Н. Баратынский и его сочинения // Русский архив. 1867. № 2. Стлб. 262.

³ Письмо Баратынского Пушкину от 20-х чисел февраля 1828 года цит. по: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1949. Т. 14. С. 5. Местонахождение подлинника письма, на который ссылался М. Л. Гофман (Гофман М. Л. Баратынский о Пушкине // Пушкин и его современники. СПб., 1913. Вып. 16. С. 148), неизвестно (см. также: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 294). О поздней репутации Пушкина см., например: Ларионова Е. О. Последние годы // Пушкин в прижизненной критике. 1834–1837. СПб., 2008. С. 7–26.

⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 6. С. 464 (из статьи о стихотворениях Баратынского, написанной в связи с выходом «Сумерек», — Отечественные записки. 1842. Т. 25. № 12. Отд. V. С. 49–70).

собрания «Стихотворений Евгения Баратынского»,¹ куда были включены 131 стихотворение и 6 поэм — т. е. подавляющее большинство текстов, написанных Баратынским за все годы литературной деятельности. С другой стороны, в том же 1835 году, в первом номере нового журнала «Московский наблюдатель», появилось программное стихотворение Баратынского «Последний поэт», наиболее ранний опубликованный текст из вошедших затем в «Сумерки». Вслед за ним в том же журнале появились такие «новые» стихотворения Баратынского, как «Недоносок», «Бокал» и «Алкивиад».²

С точки зрения самого Баратынского и эволюции его творчества, собрание 1835 года, задуманное и готовившееся гораздо раньше,³ разумеется, предшествовало сотрудничеству в «Наблюдателе», но для его читателей — в числе профессиональных, эта хронология — в силу различных обстоятельств — оказалась нарушена. Несмотря на свою известную неторопливость, первый номер «Московского наблюдателя» был отпечатан, как свидетельствуют «Московские ведомости», к 16 марта 1835 года,⁴ а «Стихотворения Баратынского» появились в книжных лавках на месяц позднее — только в 20-х числах апреля.⁵ Выход итогового, ретроспективного сборника не раз привлекал внимание критики и публики

¹ Стихотворения Евгения Баратынского. М., 1835. Ч. 1–2.

² См.: Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. Март. Кн. 1. С. 30–32 («Последний поэт»); Ч. 1. Апрель. Кн. 1. С. 526–528 («Недоносок»); Ч. 5. Ноябрь. Кн. 1. С. 24–26 («Бокал»), 27 («Алкивиад»). Ноябрьская книжка «Наблюдателя» за 1835 год вышла только в феврале 1836 года (см.: *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2012. Т. 3. Ч. 1: Стихотворения 1835–1844 годов. С. 42, 48).

³ О предыстории и истории сборника 1835 года см. подробнее ниже, а также: *Зарецкий А. Р., Песков А. М.* История подготовки стихотворений Баратынского для изданий 1827, 1835 и 1842 гг. // *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1: Стихотворения 1818–1822 годов. С. 465–466; *Светлов А. П.* Об уникальном экземпляре «Стихотворений» Е. А. Баратынского 1833 г. // Книга: Исследования и материалы. М., 1984. Сб. 49. С. 121–129.

⁴ Московские ведомости. 1835. № 22. 16 марта. С. 1080; *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. Ч. 1. С. 18.

⁵ Объявление о выходе сборника: Московские ведомости. 1835. № 32. 20 апр. С. 1580; *Зарецкий А. Р., Песков А. М.* История подготовки стихотворений Баратынского для изданий 1827, 1835 и 1842 гг. С. 466.

в течение 1835 — начале 1836 года, но невольно заслужил собой другие синхронные выступления Баратынского в печати, что, как представляется, оказало влияние на последующую читательскую рецепцию творчества поэта и его литературную репутацию.

Как и первое собрание стихотворений Баратынского, задуманное еще во второй половине 1823 года, но вышедшее лишь осенью 1827-го,¹ сборник 1835 года имел долгую историю. Его замысел относится к концу 1832 года, когда при посредничестве Пушкина² Баратынский договорился с петербургским книгопродавцем А. Ф. Смирдиным об издании полного собрания своих стихов, подводившем черту под его «индивидуальной» поэзией. «Я ничего не пишу нового и вожусь со старым. Я продал Смирдину полное собрание моих стихотворений. Кажется, оно в самом деле будет последним и я к нему ничего не прибавлю. Время поэзии индивидуальной прошло, другой еще не созрело», — писал Баратынский Вяземскому в самом конце 1832 — начале 1833 года.³ Трехчастное собрание, объемом 45 листов, значится в «Реестре книгам, печатаемым на собственное иждивение книгопродавца Смирдина в 1833 году».⁴ В марте 1833 года первая часть сборника, заключавшая в себе мелкие стихотворения, не без некоторых потерь прошла петербургскую цензуру.⁵ Однако уже летом 1833 года — при не

¹ О замысле первого поэтического сборника Баратынского, истории его формирования и издания см.: *Зарецкий А. Р., Песков А. М.* История подготовки стихотворений Баратынского для изданий 1827, 1835 и 1842 гг. С. 461–462; *Бодрова А. С.* Об еще одной «французской шалости» Баратынского: К истории стихотворения «Леда» // Лотмановский сборник. М., 2014. Вып. 4. С. 167, 176; *Мартыненко А. И.* Литературная репутация Е. А. Баратынского в 1820-е гг. [Выпускная квалификационная работа НИУ ВШЭ]. М., 2017. С. 34–46 (рукопись).

² См. письмо Пушкина П. В. Нащокину от 2 декабря 1832 года (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 37; *Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского.* М., 1998. С. 303; далее — *Летопись*).

³ Цит. по: *Летопись*. С. 303.

⁴ ОР РНБ. Ф. 595. № 144. Л. 1; см. также: *Светлов А. П.* Об уникальном экземпляре «Стихотворений» Е. А. Баратынского 1833 г. С. 123.

⁵ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 1174. Л. 1–2; *Оксман Ю. Г.* Стихотворения Евгения Баратынского в цензуре // Литературный музей. Пг., 1922. Т. 1. С. 13–17.

вполне ясных обстоятельствах — издание было переведено в Москву, в ведомство комиссионера Смирдина книгопродавца А. С. Ширяева, который печатал книгу в типографии Августа Семена и посылал весьма нерегулярно Баратынскому корректуры.¹

В существенном замедлении издательского процесса виноват был и сам поэт, который начиная с лета 1833 года пребывал в непрерывных разъездах — в тамбовской Маре и казанских имениях.² Особенно осложняли дело многочисленные поправки, которые Баратынский считал необходимым вносить уже в корректурах.³

Активная авторская работа на последнем этапе подготовки сборника впоследствии потребовала от издателя посылки особого документа в цензурный комитет. Отправляя в цензурное ведомство⁴ отпечатанную книгу для получения цензурского билета, владелец типографии А. Семен приложил

¹ См. письма Баратынского И. В. Киреевскому, выступавшему посредником между ним и Ширяевым: «Ежели увидишь Ширяева, сделай одолжение, скажи ему, что я весьма неисправно получаю корректуру. Лист должен оборотиться в три недели, а он оборачивается в пять. Ежели все так пойдет, то я не напечатаясь и к будущему году» (письмо от 4 августа 1833 года, цит. по: *Летопись*. С. 314); «Мне нужно твое пособие в сношениях моих с Ширяевым. Вот уже два месяца, как я не получаю корректуры...» (письмо от конца февраля (?) 1834 года — Там же. С. 321).

² О хозяйственных маршрутах Баратынского в 1833–1834 годах см.: *Летопись*. С. 309–324.

³ См., например: «Я предполагаю, что для скорости он [Ширяев] решил печатать по моей рукописи, не заботясь о том, что я могу сделать несколько поправок. На всякий случай посылаю тебе давно мною исправленную „Эду“ и „Пиры“, но теперь только приготовленные к отсылке» (письмо Киреевскому от конца февраля (?) 1834 года (Там же. С. 321); «Вот тебе, моя душенька, корректура. Похлопочи обо мне. По будущей почте пришлю тебе послание к Вяземскому и эпиграмму. Совсем позабыл о моем обещании за хозяйственными хлопотами. Вот тебе еще поручение. В 4-й главе Наложницы я было уничтожил последнюю тираду со стиха: *Елецкой, проводив гостей*. Я ее возобновляю и пишу об этом в типографию, но боюсь, что меня не поймут» (письмо С. Л. Энгельгардт от начала ноября 1834 года — Там же. С. 324).

⁴ Так как цензурное разрешение на «Стихотворения» 1835 года было выдано цензором Петербургского цензурного комитета Н. И. Бутырским, то и цензурный билет книга должна была получать также в Петербурге. Билет на выход в свет был подписан А. В. Никитенко 26 февраля 1835 года (см. ниже экземпляр библиотеки СПбГУ, а также: РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 267).

«Алкивиад») прошли почти незамеченными,¹ оказавшись в тени обсуждения «Стихотворений» 1835 года.

Самая оперативная рецензия на новое издание появилась уже в майском номере «Библиотеки для чтения», вышедшем 30 апреля 1835 года.² Если учесть, что сборник Баратынского начал продаваться в Москве только 20 апреля, то, по-видимому, О. И. Сенковский (а скорее всего, именно он и был автором рецензии) познакомился с книгой еще до того, как она поступила в продажу. В этом, вероятно, можно предполагать посредничество А. В. Никитенко, цензора «Библиотеки для чтения», который выдал цензорский билет и изданию Баратынского (см. выше).

Рецензия в журнале Сенковского примечательна исключительно высокими оценками сочинений Баратынского — при том, что поэт к этому времени успел не только объявить о своем сотрудничестве в «анти-библиотечном» «Московском наблюдателе»,³ но и напечатать в нем «Последнего поэта», который, вместе с программной статьей Шевырева,⁴ выражал

¹ Так, о «Последнем поэте» пространно отозвался только С. П. Шевырев в программной статье «Чаттертон, драма Альфреда де Виньи» (Московский наблюдатель. 1835. Ч. 4. Октябрь. Кн. 2. С. 616–617). Единственный известный нам отзыв о «Недоноске» исключительно краток: «Стихотворение Баратынского, под названием *Недоноска*, затмевает блеском творческих стихов и ценностью протяжные вирши нещастного подражателя *певцу Руслана и Людмилы*» (Воейков А. Ф. Критика. Шестая книжка Библиотеки для чтения и третья Московского Наблюдателя // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1835. № 55. 10 июля. С. 439). Разумеется, выход поэтического сборника всегда вызывает больший интерес к сочинениям автора, чем журнальные публикации отдельных его стихотворений, но, учитывая программный характер текстов, напечатанных Баратынским в «Московском наблюдателе», слабый отклик них представляется значимым.

² Дату выхода журнала см.: *Летопись*. С. 326.

³ Баратынский изначально входил в число постоянных участников журнала: это было обозначено в прошении о разрешении издания (см.: *Летопись*. С. 324), а также в опубликованных программах «Наблюдателя» (см., например: Московские ведомости. 1835. 29 дек.; Северная пчела. 1835. № 10. 12 янв. С. 39). Показательно, что к Баратынскому обращался Н. И. Павлицев с просьбой устроить в новый журнал его статью» (текст письма: *Летопись*. С. 326–327; автограф: РО ИРЛИ. № 30865), которая впоследствии увидела свет в июньской части «Наблюдателя»: [Павлицев Н. И.] Брамбеус и юная словесность // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 2. Июнь. Кн. 1. С. 442–465; Кн. 2. С. 599–637.

⁴ Шевырев С. П. Словесность и торговля // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. Март. № 1. С. 5–29.

решительное неприятие «торгового направления». Можно думать, что, хваля стихи Баратынского прежних лет, автор рецензии вкладывал в эту похвалу актуальный посыл, в подтексте противопоставляя поэтическим удачам 1820-х годов новые выступления Баратынского в духе «Последнего поэта», которые редактору «Библиотеки для чтения» вряд ли могли понравиться. Poleмический намек на идейные установки «Последнего поэта» видится в зачине рецензии Сенковского, где тот задавался риторическими вопросами: «Куда девалась наша поэзия? Отчего известнейшие наши поэты мало пишут стихов? Отчего мало новых поэтических произведений?» — и иронически приводил ответы «некоторых»:

...некоторые у нас им отвечают, в подражание тому, что говорится в Париже, что в наш век, положительный и коммерческий, стихотворная поэзия не возможна, что поэты не существуют, что вдохновение гуляет по биржам и покупает акции и облигации.¹

Ср. первую строфу «Последнего поэта»: «Век шествует путем своим железным; / В сердцах корысть, и общая мечта / Час от часу насущным и полезным / Отчегливей, бесстыдней занята. / Исчезнули пред светом просвещения / Поэзии младенческие сны, / И не о ней хлопочут поколенья, — / Промышленным заботам преданы».²

Этой похвалы с намеком Баратынский, конечно, не оценил, а последующие публикации в «Наблюдателе» только подчеркивали его выбор в пользу не-коммерческого «направления». Неудивительно поэтому, что впоследствии «Библиотека для чтения» больше не нашла для поэта положительных оценок. В перспективе последовавших событий — полного разрыва Сенковского с Пушкиным и кругом «Современника» — охлаждение к Баратынскому было закономерно, и на этом фоне «пограничная» рецензия на «Стихотворения» 1835 года, как представляется, должна быть выделена особо.

Внимание к сборнику Баратынского, вскоре после рецензии Сенковского, проявил и Белинский, который сразу

¹ Библиотека для чтения. 1835. Т. 10. № 4. Отд. V. С. 1.

² Цит. по первой публикации: Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. Март. Кн. 1. С. 30.

по выходе «Стихотворений» поместил в «Молве» краткий анонс их особого разбора,¹ а в октябрьском номере «Телескопа» выступил с развернутой рецензией.² Общее мнение Белинского было уничижительно и обидно:

Несколько раз перечитывал я стихотворения г. Баратынского и вполне убедился, что поэзия только изредка и слабыми искорками блестит в них <...> перечтите все стихотворения г. Баратынского: что вы увидите в каждом из лучших? Два-три поэтические стиха, вылившиеся из сердца; потом риторичку, потом несколько прозаических стихов; но везде ум, везде литературную ловкость, умение, навык, щегольскую отделку и больше ничего.³

Важнейшим недостатком Баратынского-поэта Белинский объявлял и его несовременность: с этих пор тезис об «устарелости» Баратынского станет общим местом журнальных критик:

Скажите, бога ради, может ли *поэт* нашего времени написать два длинных, вялых прозаических послания, как-то к Богдановичу и Гнедичу. <...> И говорят еще иные, что XVIII век кончился!.. <...> О поэмах г. Баратынского я ничего не хочу говорить: их давно никто не читает.⁴

Для иллюстрации этого тезиса Белинский последовательно приводил в качестве примеров исключительно ранние стихотворения Баратынского: опубликованные в 1827 году «Вчера ненастная ночь...» (1819(?), 1821) и «Тебе я младость шаловливу...» (1826 (?)),⁵ появившееся в 1826 году «Она придет, к ее устам...» (1825)⁶ и, наконец, мадригал, впервые напечатанный еще в 1820 году «Не знаю, милая не знаю...».⁷ Тот же акцент на ранних стихах виден и в тех случаях, когда критик даже был

¹ Молва. 1835. Ч. 9. № 16. Стлб. 260.

² Телескоп. 1835. Ч. 27. № 9. С. 123–137.

³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 324–325.

⁴ Там же. С. 326, 327.

⁵ См.: Стихотворения Евгения Баратынского. М., 1827. С. 94, 107. Первая публикация стихотворения «Тебе я младость шаловливу...» состоялась в том же году в альманахе «Северная лира на 1827 год» (см.: Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 230; Т. 2. Ч. 1. С. 157).

⁶ Впервые: Урания на 1826 год. М., 1826. С. 101; Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. Ч. 1. С. 138.

⁷ Впервые: Невский зритель. 1820. Ч. 1. Февраль. С. 93; Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 129.

готов похвалить «несколько замечательных стихотворений»: среди них только «На смерть Гете», опубликованное в 1833 году, — из сравнительно недавних. Тенденциозность такой подборки ощущалась и самим Белинским: «Но зачем же вы выбираете такие стихотворения? — может быть, спросит меня иной недоверчивый читатель. Зачем же помещены они? — отвечаю я».¹

В самом деле, состав и композиция сборника могли дать повод для подобных спекуляций: в это собрание Баратынский включил практически все, написанное им начиная с первых лет литературной деятельности, при этом он расположил тексты вне хронологических или тематических разделов, без указания дат, и даже — в большинстве случаев — без заглавий. Таким образом, поэт сам задавал установку на внехронологическое восприятие своего творчества, заставляя видеть в чередовании стихотворений множество сменяющих друг друга впечатлений ума и сердца.² Но вследствие такого композиционного решения новые, не опубликованные прежде тексты Баратынского совершенно затерялись на фоне лирики 1820-х годов. Из двадцати впервые напечатанных в собрании 1835 года стихотворений рецензентами были отмечены лишь балладная «Мадона» (в рецензии «Библиотеки для чтения») и «На смерть Гете», между тем как в их числе были такие шедевры зрелого Баратынского, как «К чему невольнику мечтания свободы...», «Болящий дух врачует песнопенье...», «Когда исчезнет омраченье...», «Наслаждайтесь: все проходит...», «Своенравное прозвание...», «Где сладкий шепот...», «Бывало, отрок, звонким кликом...». Таким образом, вне поля зрения критики остались не только новейшие публикации в «Московском наблюдателе» («Последний поэт» и последовавшие за ним «Недоносок» и «Бокал»), но и вообще практически все тексты Баратынского начала 1830-х годов, которые оказались рассеяны среди известных стихотворений предшествующего десятилетия. Даже стихотворение «На смерть Гете», появившееся в альманахе «Новоселье» и высоко ставившееся самыми неблагоприятными к Баратынскому критиками (например, Надеждиным и Белинским), представлялось одино-

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 327.

² О композиции издания 1835 г. см. замечания А. М. Пескова: Песков А. М. Е. А. Баратынский. Очерк жизни и творчества // Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 57–58.

кой и случайной поэтической удачей, а не шагом на пути поэтического поиска от «Последней смерти» и «Отрывка из поэмы: Вера и неверие» к «Последнему поэту», «Недоноску», «Осени».

Помимо этого, отложенный выход издания 1835 года существенно затянул паузу в публикациях Баратынского: после серии текстов, помещенных в «Европейце» (1832), который был закрыт на 3-м номере, Баратынский за весь 1833 год опубликовал только два стихотворения в «Новоселье», а в 1834 году вовсе ничего не печатал.

Эти обстоятельства, как представляется, могут до некоторой степени объяснить настойчивость противопоставления «прежнего» Баратынского Баратынскому «новому», которое становится общим местом критики уже в 1837 году, когда о «новой, другой» поэзии автора «Осени» рассуждает Шевырев,¹ а Полевой, рецензируя всю ту же «Осень», констатирует: «...голос *Баратынского* услышали мы в *Осени*, и — почти не узнали его».²

Показательно, что и в дружеском кругу новейшие публикации Баратынского в «Наблюдателе» не вызвали отклика, в то время как выход сборника 1835 года «разбудил» такого не слишком активного участника литературной жизни, как Н. М. Языков. Весной 1835 года он специально обращался к Киреевскому с просьбой «достать от Баратынского стихи его, пропущенные в новом издании — и <...> переслать их, для полного

¹ См. развернутый разбор «Осени» в журнальном обзоре Шевырева: «Из стихотворений особенно замечательна *Осень* Баратынского. Направление, которое принимает его Муза, должно обратить внимание Критики. <...> теперь Поэзия Баратынского переходит из мира прекрасной формы в мир глубокой мысли: его Муза тогда только заводит песню, когда взволнована, потрясена важно, таинственно думою. Она вносит в этот новый мир красоту прежних форм; но эти формы как будто тесны для широких дум Поэта. <...> Но за то, когда мысль совершенно одолеет стих и заставит его во всей полноте признать себя, тогда-то блещет во всей силе новая Поэзия Баратынского и рождаются такие строфы, которых не много в Русской Поэзии. <...> В этом глубокомысленном стихотворении сходятся два Поэта: прежний и новый, Поэт форм и Поэт мысли. Прежний заключил бы прекрасным описанием Осени, которое напоминает своими стихами лучшие произведения Баратынского-описателя, его *Финляндию* особенно. Новый Поэт переводит пейзаж в мир внутренний и дает ему обширное, современное значение: за осенью природы рисует Поэт осень человечества нам современную, время разочарований, жатву мечтаний» (Московский наблюдатель. 1837. Ч. 12. Июнь. Кн. 1. Критика. С. 319–323).

² Сын отечества и Северный архив. 1838. Т. 1. № 1. Отд. IV. С. 47.

удовольствия»,¹ а затем, в начале 1836 года, выступил в печати с посланием «Е. А. Баратынскому» («Покинул лиру ты. В обычном шуме света...»), отданном в «Московский наблюдатель».²

Важнейшие мотивы языковского послания — поэтическое бегство от «светского шума» в мир семейной усадьбы и призыв возвратиться к поэзии³ — читаются как явный отклик на «Запустение» и завершавшее сборник 1835 года стихотворение «Бывало, отрок, звонким кликом...», где прокламируется отказ от поэзии. Однако призыв Языкова «восстать с возвышенным челом» и «явиться вновь на поприще своем»⁴ — при том, что

¹ Письмо Языкова И. В. Киреевскому от 25 мая 1835 года (*Языков Н. М.* Соч. Л., 1982. С. 357).

² *Московский наблюдатель*. 1836. Ч. 6. Апрель. Кн. 1. С. 433–434 (под текстом дата: 3 марта 1836). Номер журнала вышел 5 мая 1836 года (см. объявление о раздаче подписчикам: *Московские ведомости*. 1836. № 36. 2 мая. С. 764).

³ Ср.: «Покинул лиру ты. В обычном шуме света / Тебе не до нее. Я помню этот шум, / Я знаю этот шум. Он вреден для поэта: / Снотворно действует на ум! // Счастлив, кто убежал из светских наслаждений, / От городских забав, превратностей и смут / Далеко в тишь и глушь, в приволье вдохновений, / В душеспасительный приют. // <...> Свобода и покой, хранители поэта, / Дадут твоей душе и бодрость и простор, / И вдохновением, как было в прежни лета, / Светло заискрится твой взор. // И лиру ты возьмешь, проснется золотая, / И снова запоет о жизни и любви, / И звуки полетят, красуясь и играя, / Живые, чистые твои!».

⁴ Стихотворение Языкова, обращенное к Баратынскому, примечательно и в метрико-строфическом отношении: оно написано теми же строфами разно-стопного ямба (Я6664) с чередованием женских и мужских окончаний (*жмжм*), что и знаменитое пушкинское «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», и, по-видимому, представляет собой хронологически наиболее близкий случай использования этой строфы, вообще не слишком распространенной в русской поэзии XVIII — первой трети XIX веков (в отличие от строфы с иным чередованием окончаний — *мжмж*, как в «Славянке» В. А. Жуковского и «Евгению. Жизнь Званская» Г. Р. Державина; ср.: *Томашевский Б. В.* Строфика Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 75–77). Связывают их также общность метапоэтической тематики (оба они — при всей очевидной разнице — о долге поэта) и горацианские отсылки (в случае Языкова — это отчетливый горацианский топос «*Beatus ille...*», заданный в строфе «Счастлив, кто убежал из светских наслаждений...»).

Пушкину этот текст Языкова был, по всей вероятности, известен, хотя страница с началом послания в экземпляре «Наблюдателя» из пушкинской библиотеки осталась неразрезанной (*Модзалевский Б. Л.* Библиотека Пушкина: (Библиографическое описание) // Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. 9/10. С. 128. № 480, de visu). В начале мая 1836 года, когда вышел номер журнала с языковской публикацией (см. выше) Пушкин был в Москве (*Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 4. С. 436–449*) и часто общался с «наблюдателями»: в частности, он присутствовал на обеде вместе с участниками журнала, дважды был у Шевырева, виделся с Баратынским, знакомился с сестрой Языкова Екатериной Михайловной и т. д.

Баратынский в это время *не перестает печататься* в «Московском наблюдателе», — выглядит несколько парадоксально. Но на этом примере еще ярче видна специфика литературного положения Баратынского в 1835 — начале 1836 года: сборник его старых стихотворений и декларируемый в его завершении отказ от поэзии вызывают реакцию как в ближнем, так и в дальнем кругу, в то время как попытка участвовать в актуальной идейно-литературной полемике (сотрудничество в «Наблюдателе»), выступая с новыми, «другими» текстами, остается практически незамеченной. Может быть, поэтому после публикации «Бокала» и «Алкивиада» Баратынский переключается на сотрудничество в петербургских изданиях (с тех пор ни один его текст не появится в московской периодической печати) — и, прежде всего, на участие в «Современнике», отчетливо связанном с его прежним литературным кругом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В [13 т.]. М., 1953–1958.
2. *Бодрова А. С.* Об еще одной «французской шалости» Баратынского: К истории стихотворения «Леда» // Лотмановский сборник. М., 2014. Вып. 4. С. 166–179.
3. *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем / Рук. проекта А. М. Песков. М., 2002. Т. 1: Стихотворения 1818–1822 годов; Т. 2. Ч. 1: Стихотворения 1823–1834 годов; 2012. Т. 3. Ч. 1: Стихотворения 1835–1844 годов.
4. *Войков А. Ф.* Критика. Шестая книжка Библиотеки для чтения и третья Московского Наблюдателя // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1835. № 55. 10 июля. С. 437–440.
5. *Гофман М. Л.* Баратынский о Пушкине // Пушкин и его современники. СПб., 1913. Вып. 16. С. 143–160.
6. *Зарецкий А. Р., Песков А. М.* История подготовки стихотворений Баратынского для изданий 1827, 1835 и 1842 гг. // Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 2002. Т. 1: Стихотворения 1818–1822 годов. С. 461–466.
7. *Ларионова Е. О.* Последние годы // Пушкин в прижизненной критике. 1834–1837. СПб., 2008. С. 7–26.
8. *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999.*
9. *Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского / Сост. А. М. Песков, подгот. текста Е. Э. Ляминой, А. М. Пескова. М., 1998.*

10. Лонгинов М. Н. Баратынский и его сочинения // Русский архив. 1867. № 2. Стлб. 248–264.
11. Мартыненко А. И. Литературная репутация Е. А. Баратынского в 1820-е гг. [Выпускная квалификационная работа / НИУ–ВШЭ]. М., 2017.
12. Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина: (Библиографическое описание) // Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. 9/10. С. 1–441.
13. Оксман Ю. Г. Стихотворения Евгения Баратынского в цензуре // Литературный музей. Пг., 1922. Т. 1. С. 13–17, 336–340.
14. [Павлищев Н. И.] Брамбеус и юная словесность // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 2. Июнь. Кн. 1. С. 442–465; Кн. 2. С. 599–637.
15. Песков А. М. Е. А. Баратынский: Очерк жизни и творчества // Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 2002. Т. 1. С. 22–70.
16. Полн. собр. законов Российской Империи. Собрание второе (1825–1881). СПб., 1830. Т. 3 (1828).
17. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1937–1959. Т. 14, 15.
18. Светлов А. П. Об уникальном экземпляре «Стихотворений» Е. А. Баратынского 1833 г. // Книга: Исследования и материалы. М., 1984. Сб. 49. С. 121–129.
19. Стихотворения Евгения Баратынского. М., 1827.
20. Стихотворения Евгения Баратынского. Ч. 1–2. М., 1835.
21. Томашевский Б. В. Строфика Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 49–184.
22. Шевырев С. П. Словесность и торговля // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. Март. № 1. С. 5–29.
23. Шевырев С. П. Чаттергон, драма Альфреда де Виньи // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 4. Октябрь. Кн. 2. С. 608–623.
24. Языков Н. М. Сочинения / Сост., вступ. ст., примеч. А. А. Карпова. Л., 1982.